

ПРОЩАЙ, ПОСЛЕДНИЙ ДОН КИХОТ!

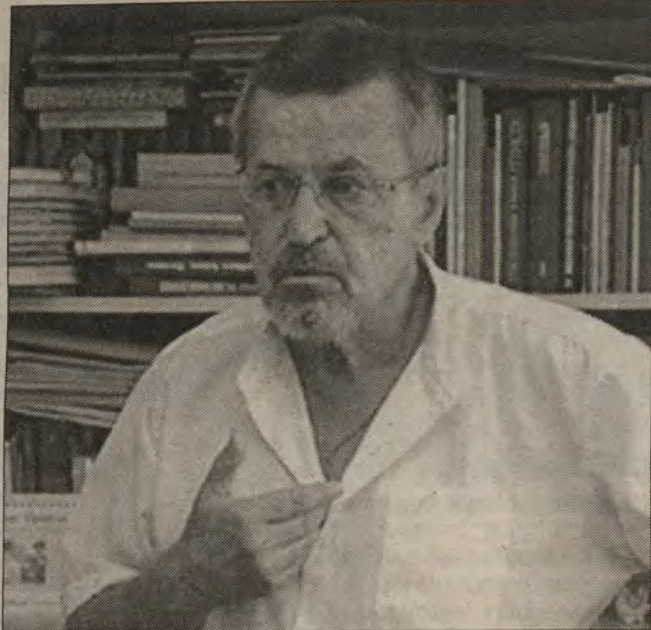
Ушел из жизни потомственный казак, замечательный амурский писатель, публицист, общественный деятель, человек многогранной судьбы Борис Иванович Черных, которого выдающийся драматург и прозаик Александр Вампилов за его страстную энергию, направленную на борьбу с вселенской несправедливостью, и за постоянное искательство правды назвал русским Дон Кихотом.

19 89 ГОД... Какое интересное это было время! Еще набирала обороты горбачевская перестройка. В обществе полным ходом шли процессы обновления. Мы тогда много говорили о совести, о нравственности, о будущем России. Мы верили в лучшие времена, мы хотели жить в безгрешном обществе, где царят справедливость, свобода, честь и благоденствие. Мы отмывались от прежней грязи, мы отмывали от грязи тех своих соотечественников, кого государство цинично и несправедливо унизило и оскорбило...

«Когда мы говорим: «Бессмертная комедия Грибоедова «Горе от ума» — почему-то произносим это с торжественной интонацией, — писала мне в своем письме (а тогда я работал в газете «Амурская правда») читательница Любовь Дмитриевна Волкова. — А ведь печально, что она бессмертна — из этого следует, что **человеческие пороки, несовершенство общественных отношений, общественных институтов вечно.** И как подтверждение тому — мы продолжаем лучших своих представителей забрасывать камнями, травить, объявлять сумасшедшими. Но — чудо земное: вновь и вновь на месте сломанных цветов вырастают и распускают свои бутоны новые. А если верить тому, что общество развивается в прогрессивном направлении, то на месте прежнего цветка должно появиться несколько новых... Так ли это? — пытаюсь понять я, всматриваясь в день сегодняшний и обращаясь к дням, ставшим уже историей. И мне становится тревожно. Потому что я видела людей, которые не могут и не пытаются понять мир окружающий, для которых культура, понимание человеческой души — нечто далекое. И как страшно, когда часто именно эти люди становятся наделенными властью. Тогда рождаются трагедии...»

Все получилось как всегда: российское общество пытается взять высокую планку цивилизации, усиленно готовится к прыжку, совершает этот прыжок — но планка не покоряется.

Вот на такие темы мы тогда говорили. Теперь, увы, об этом не говорят: после ослепительно головокружительного взлета наших надежд мы их вновь потеряли. Причина проста: общество в который уже раз пришло в своем развитии на железнодорожный тупик. Вначале рухнула единая государственная экономика, затем рухнула экономика государства урезанного, следом рухнула мораль и нравственность общества и, наконец, — надежды на лучшее будущее. Все получилось как всегда: российское общество пытается взять высокую планку цивилизации, усиленно готовится к прыжку, совершает этот прыжок — но планка не покоряется.

Она падает наземь. И когда, и кто ее поднимет с земли, чтобы вновь попытаться взять ее со стремительного прыжка, неизвестно.

Больше всего, уверен, сегодня страдают в душе те, кого еще недавно называли «узниками совести». Или инакомыслящими. Или на английский лад — диссидентами. Увы, их было немного, кто высказывал идеи о переустройстве России, но они были везде. По всей стране. Эти люди первыми среди своих сограждан почували фальшь в политике властей, в их идеологических лозунгах, в их громких неубедительных речах. Они собирались в кружки и обсуждали ситуацию в стране, философствовали, писали статьи и художественные произведения, в которых пытались рассказать правду

людям — о том, что добрая идея, под флагом которой была совершена Великая Октябрьская революция, потихоньку развенчивается самими же вождями этой идеологии; что страна все дальше и дальше отходит от

тех норм, которых придерживались создатели революции, что общество, экономика страны начинают развиваться по каким-то неслышанным законам, уводящим государство в бездну. Статьи эти, естественно, нигде не печатали, поэтому отчаявшимся бороться по существу с ветряными мельницами инакомыслящим приходилось нелегально распространять листовки и рукописи запрещенных произведений, а еще писать письма с собственным видением ситуации в адрес руководителей страны.

Такие действия этих неравнодушных, часто мудрых, мыслящих людей воспринимались властью **предержащими как бунт.** Слова бунтарей были острее лезвия бритвы, и они приводили в страх и бешенство идеологов. Бунтарей арестовывали, их запугивали, их пытались сломить бесконечными допросами. Слабые сдавались, сильных отправляли в психушки и заключали в лагеря. Были и такие, кто не выдерживал срама жизни и умирал от разрыва сердца. Таких было много, лично я знал одного из них: в конце 70-х начале 80-х он вел в Благовещенске нелегальный политический кружок, на котором мы, его участники, обсуждали обстановку в стране, знакомились с информационными сообщениями «радиоголосов», изучали нелегальную литературу и даже про-

бовали ее распространять. Учитель, назову его так, два года пробыл на языковой стажировке в Англии и вернулся оттуда информированным человеком. Нет, он не стал кричать на каждом углу о том, как хорошо им там живется «за бугром», но, будучи личностью незаурядной, он не мог после всего, что узнал сам, жить в покое — он стал исподволь проповедовать правду, стал на основе исторических фактов, которые для нас явились полным откровением, доказывать людям то, что власть наша погрязла в грехах, что весь период правления коммунистов сопровождался большой кровью и насилием. Человек этот настолько хотел изменить наш мир, сделать его лучше и чище, что его сердце не выдержало душевного надрыва и остановилось.

Знавал я людей, подобных этому человеку, и в Хабаровске, и в Москве, и в Самаре (тогда это был Куйбышев). Я восхищался ими и пытался жить так, как живут, как мыслят, как чувствуют они. Ибо я понимал: они — это совесть народная, наш стержень, наша духовная сила.

А в 1989 году в Благовещенск приехал накануне отбывший срок заключения «по политической» статье писатель **Борис Иванович Черных.**

О нем к тому времени я уже кое-что знал. Я знал, что Борис Иванович приехал на свою родину, что он потомок амурских казаков. А тут еще такое везение: Любовь Дмитриевна Волкова, о которой я упоминал выше, при встрече поведала мне о некоторых фактах из его жизни.

Но в начале о том, что я знал сам. Борис Иванович родился и вырос в Амурской области, в Свободном окончил среднюю школу. Выбрал путь журналиста, пришел к писательскому труду. А началось все с газеты «Иркутский университет», где, будучи студентом ИГУ, он в 1960 году опубликовал свои первые рассказы «Медный котелок» и «Юнкер Корецкий» — последний, говорили мне, восторженно был принят тогда еще юным **Александром Вампиловым.**

Очерки Бориса Черных с тех пор часто стали появляться на страницах сибирских изданий; они выходили в коллективных литературных сборниках. Росло мастерство литератора, а вместе с ним росло и нечто большее — встречаясь с людьми, знакомясь с их судьбами, поступками, помыслами, он постепенно набирался жизненного опыта, что позволяло этому аналитически мыслящему человеку потихоньку обозначать свою гражданскую позицию. Пришло время, и он созрел для того, чтобы совершить поступок, на который в то время мало кто был способен: в 1966 году он пишет письмо в адрес XV съезда комсомола, в котором, по сути, подвергает критике некоторые стороны нашей жизни. Приведу только одну выдержку из

этого письма, чтобы читатель понял, почему тогда Борис Черных сразу был причислен к касте «неблагонадежных» и уволен из редакции молодежной газеты.

«Правильно провозгласив курс на уничтожение последствий культа личности, мы оказались бессильными довести его до конца, — писал он. — И даже больше того, повсеместно, по всей стране у власти остались старые кадры... Поэтому справедливо писал в своей предсмертной записке генсек ИКП Пальмиро Тольятти: «Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам...»

«Святая простота!» — изрек когда-то на костре великий Ян Гус. Эти слова можно с полным правом адресовать Борису Черных, но стоит ли это делать, если человек искренне верит во что-то? А он верил... Он верил в то, что нашу политическую систему можно было каким-то образом усовершенствовать. Что именно идею «выправленное» социалистическое общество способно стать средоточием справедливости и благоденствия. В это верили многие, но они боялись об этом сказать. Борис Черных озвучил эту потаенную мысль людей.

Борис не опустил руки после отстранения его от газеты. Устроившись на работу в одну из иркутских школ, он создает неформальную общественную организацию под названием Республика Советов Депутатов Учащихся, что по сути уже было вызовом тогдашней власти. В 1971 году он вручает правлению Российской писательской организации протест против исключения из Союза писателей **Александра Солженицына.** А через пять лет, в 1976 году, пишет письмо в Политбюро ЦК КПСС, требуя отставки генсека **Брежнева...** Потом был 1980 год — тогда вместе со своими бывшими учениками он создает в Иркутске Вампиловское книжное товарищество.

— Товарищество было создано в честь погибшего драматурга, который был моим другом, — рассказывал мне позже Борис Черных. — В тот же период мы создали с молодыми ребятами самиздатский альманах «Литературные тетради», где печатались критические, прозаические

Он верил в то, что нашу политическую систему можно было каким-то образом усовершенствовать. В это верили многие, но боялись об этом сказать. Борис Черных озвучил эту потаенную мысль людей.

и поэтические опыты юных иркутян. В мае 1982 года Вампиловское товарищество было разгромлено КГБ, а меня и Александра Панаева, как руководителей, арестовали. При обыске квартиры, где я жил, были изъяты мои рукописи, в том числе повести «Садовник в провинции» и «Маленький портной».

А потом был процесс. — Весной 1983 года, — вспоминает бывшая студентка Иркутского госуниверситета **Любовь Волкова,** — Иркутск, всегда славившийся политической активностью, стал свидетелем уникального по своему цинизму события: судили непокорного писателя Бориса Черных. Помнится, открытым сделали тогда заключительный акт процесса — вынесение приговора. Я не была членом «тайного» общества в числе бывших учеников Бориса Ивановича и с ним ранее не была знакома, так что видела его на процессе впервые. Каким он мне запомнился? Невысокий грустный человек, усталое, умное лицо...

Алексей ВОРОНКОВ,
писатель

Окончание в №16

ПРОЩАЙ, ПОСЛЕДНИЙ ДОН КИХОТ!

Ушел из жизни потомственный казак, замечательный амурский писатель, публицист, общественный деятель, человек многогранной судьбы Борис Иванович Черных, которого выдающийся драматург и прозаик Александр Вампилов за его страстную энергию, направленную на борьбу с вселенской несправедливостью, и за постоянное искательство правды назвал русским Дон Кихотом.

Окончание. Начало в №15

3 АЛ БЫЛ полон, люди стояли в проходах. Зачитали обвинение. Помню главное, в чем обвинялся Борис Черных, - распространение произведений Солженицына и то, что на автобусной остановке в разговоре с какой-то женщиной он заявил, что система выборов у нас неправильная. Последнее было преподнесено на процессе с особым возмущением, наполненным псевдогражданским пафосом.

Выступил общественный обвинитель. Это был преподаватель университета, известный своей строгостью и принципиальностью Владимир Фаддеевич М. Запомнилось то, как он, сознавая, что принимает участие в «историческом событии», начал свою речь так: «Сегодня мы судим слово...» Потом он говорил о значении действия слова на человеческую жизнь. ... Прощай Борис... Для многих из нас ты был примером, и мы до конца дней своих будем помнить о тебе. Речь эту можно было воспринимать двояко: возможно, она была составлена в расчете на будущее.

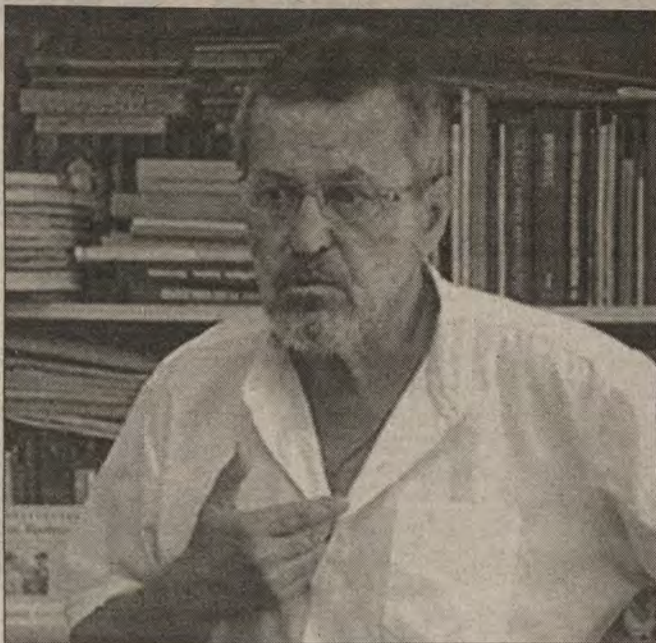
Дали слово адвокату. Он говорил сбивчиво и неуверенно. Да и мог ли он повлиять на судьбу подсудимого, осмелившись сделать попытку разобраться в том, что происходило в его стране? Адвокат познакомил присутствующих с личностью подсудимого, этапами его жизни и деятельностью.

Поэты Евтушенко и Окуджава послали в суд просьбу о смягчении наказания писателю, для которого «служение общественным интересам было более потребностью, чем обязанностью».

И вот последнее слово подсудимого. Видимо, с душой, полной смятения и надежды, читал Борис Черных пушкинские строки:

*Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет тень...*

В перерыве было тихо. Свет, падавший в темный коридор из окон лестничных площадок, высвечивал лица. Все они были разными: На одних читался

страх — связь с опальным писателем реально угрожала карьере. Были и лица зеваки с выражением веселого любопытства («Чего еще тут отмочат?»). Были лица, на которых угадывалась решимость продолжать дело Бориса Черных. Были лица людей, близких писателю. На них — боль, усталость, растерянность.

А ведь все, что происходило в зале судебного заседания, говорила Люба Волкова, — по сути абсурдно: судили Слово, наказывали человека, представляющего это Слово. Но слово нельзя наказывать, посадить за решетку, отправить в лагерь — оно остается с людьми. Осталось с людьми и Слово писателя Бориса Черных.

Потом были психушки, этапы, лагерь... В 1987 году, после освобождения из политзоны, а этому предшествовала начавшаяся в стране перестройка, а вместе с ней и либерализация общества, первое, чем порадовала недавнего узника открывшаяся ему свобода, было возвращение ему рукописи повести «Садовник». Увы, другую дорогую сердцу рукопись — повесть «Маленький портной» — он так больше никогда и не увидел.

Писатель попытался восстановить ее, но ему удалось воспроизвести только небольшую часть произведения, которая по объему и по структуре дотянула только до рассказа.

Возвращение Бориса Черных в литературу было стремительным. Теперь ему уже не нужно было бояться того, что его произведения так и останутся непечатанными или же лягут в сейфы советской политической охранки. Пришло время, о котором десятилетиями мечтала передовая часть нашего общества — время демократических преобразований, гласности, свободы мысли. Рассказы прозаика печатают «Литературная газета» и «Литературная Россия», «Огонек». Повесть «Озимы» увидела свет в престижном журнале «Грани». Не забывает Б. Черных и такой мобильный жанр, как публицистика, которая дает возмож-

ность писателю говорить о насущном и наиболее болезненном, прибегая к документалистике, анализу и философскому осмыслению происходящего или же происшедшего когда-то. Его очерки печатаются в центральных и местных изданиях.

Борис Черных спешит выговориться, высказаться, создать что-то дельное. Генетическая боязнь, что все кончится, что все в конце концов вернется на круги своя, видимо, жила в его подсознании и постоянно заставляла его творить. И он пишет, пишет, пишет... Но ему не удается удалиться от мира и заняться только литературным трудом. Виною тому его

общественный статус — **Бывшего Узника Совести**. С ним ищут встречи известные и не столь известные российские литераторы, с ним ищут встречи общественные деятели, журналисты, просто те, кому был необходим совет умного, много выстрадавшего человека. Ищет встречи с людьми и сам Черных, хотя за ним издавна ходит слава человека недоверчивого, осторожного, замкнутого. (Кстати, причину этой замкнутости и недоверия Борис Иванович мне потом объяснил: слишком часто, сказал он, его предавали, слишком много он натерпелся от тех, кому доверился и открылся душой).

Период, начиная с конца восьмидесятых и до начала девяностых, является звездным часом для недавних узников совести. О них говорят в обществе восторженно, ими восхищаются, им воздается по заслугам. Еще не пришли времена, когда страна впадет во всеобщую депрессию, когда страшно заурчат голодные животы людей, забывая своим безнадежным утробным гулом победный звук демократических фанфар. Еще торопится история запечатлеть триумф героев, называя бывших диссидентов

Мне было интересно слушать этого человека, наблюдать за его реакцией на мои слова, на мои мысли. Я видел, как он страстно живет этим миром, воспринимая его во всех ипостасях.

Я видел, как он страстно живет этим миром, воспринимая его во всех ипостасях. Видел и невольно сравнивал его с его книжными героями. Это объяснимо: всегда

в разговоре с художником хочется понять, а чью жизнь он пишет в своих произведениях — свою, знакомую до боли, до каждой кровинки-капельки, или же чужую — вымышленную, вымученную и малоправдивую. Сегодня понимаю: Черных писал свою жизнь. И потому все, о чем он писал, остается в памяти.

Но, наверное, в разговоре с Борисом Ивановичем мне больше всего хотелось понять, доволен ли он сегодняшней жизнью, то ли он хотел увидеть, к тому ли стремился, уходя когда-то кандалным этапом в неизвестность.

— Плохо живем, — сказал в сердцах Черных. — Нищета вокруг, безнадежность... И самое главное — я выхода из этого не вижу. Слишком много на Запад смотрим — а нужно своей головой жить.

Сложное чувство испытываешь, слыша эти слова из уст человека, который когда-то мечтал изменить Россию, пытался убедить людей, что не так живем. Впрочем, Борис Черных до конца остался верен себе. Россию можно вытащить из пропасти, говорил он. Как? А о том-де всем миром нужно думать. Всем миром! Всей Россией...

... Прощай Борис... Для многих из нас ты был примером, и мы до конца дней своих будем помнить о тебе.

Алексей ВОРОНКОВ,
писатель

РЕКЛАМА

БЕСПЛАТНАЯ СПРАВОЧНАЯ СЛУЖБА

*Достоверная информация!
Бесплатные соединения!*

3333-3333

ТОВАРЫ·УСЛУГИ·СЫРЬЕ·ФИРМЫ

реклама